

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ
ПАМЯТНИКИ
ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1972

А.Н.Рагоза

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ РУКОПИСЕЙ НА
СРЕДНЕИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА,
ХРАНЯЩИХСЯ В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ДО ИВАН

Богатство древних культур Восточного Туркестана (Синьцзяна) издавна привлекало внимание исследователей России и Западной Европы¹. Однако до середины прошлого столетия Центральная Азия оставалась малоизученной не только в археологическом, но даже и в географическом отношении. Проникнуть в эти, почти недоступные области можно было, лишь зная местные языки и только под видом торговца; так побывал здесь русский офицер Чокан Валиханов. Насколько были опасны такие путешествия, показывает экспедиция Адольфа Шлагинтвейта (1857 г.), закончившаяся гибелью исследователя. Такая же судьба, но гораздо позже постигла французского путешественника Дютрей де Рена (1895 г.).

Ориентировочные сведения о древностях Синьцзяна были получены В.Джонсоном (1866 г.) и Д.Форсайтом (1873 г.), которые, проникнув в Хотан, узнали о развалинах городов, засыпанных песками, а Форсайту удалось даже произвести небольшие раскопки около Янгигисара, где он нашел обломки посуды, стекла, фарфора и монеты.

В 1879 г. русский ботаник А.Регель впервые в XIX в. посе-

¹ См. следующие основные обзорные работы об историко-археологическом изучении Синьцзяна: Д. Н. А н у ч и н, Археологические экспедиции в Восточном Туркестане, – "Землеведение", 1907, XIУ, кн. III–IV, стр. 253–267; В. В. Б а р т о л ь д, История изучения Востока в Европе и России, изд. 2, Л., 1925; А. Н. Б е р н ш т а м, Проблемы истории Восточного Туркестана, – "Вестник древней истории", 1947, № 2, стр. 52–71; Б. Н. В и ш н е в с к и й, К антропологии древнего населения Восточного Туркестана, – "Казанский музейный вестник", 1921, № 1–2, стр. 88–102; С. Ф. О л ь д е н б у р г, Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана, – ЖМНП, 1904, ч. 353, № 6, стр. 366–397; е г о ж е, Русские археологические исследования в Восточном Туркестане, – "Казанский музейный вестник", 1921, № 1–2, стр. 25–30; J. A. D a b b s, History of the Discovery and Exploration of Chinese Turkestan, The Hague, 1963; P. P e l l i o t, La Haute Asia, Paris, 1931.

тил Турфан – большой оазис, расположенный между восточными отрогами Тянь-Шаня и нижним течением Тарима. Он дал подробный план древнего города около Турфана, столицы уйгурских идикутов.

Однако по-настоящему глубокое и плодотворное изучение Центральной Азии стало возможно лишь после экспедиции Н.М.Пржевальского, совершившего четыре крупных путешествия в глубь Тибета и утвердившего за русскими учеными славу научного открытия этого края. Говоря об экспедициях Пржевальского, необходимо отметить, что они дают сравнительно небольшой археологический и этнографический материал, так как археологические изыскания производились им "лишь настолько, насколько то можно было выполнить в зависимости от исключительных условий этих путешествий"².

Вслед за Пржевальским был предпринят ряд научных экспедиций в Восточный Туркестан русских и зарубежных исследователей:

М.В.Певцова (1889–1890 гг.), братьев Г.Е. и М.Е.Грум-Гржимайло (1899–1890 гг.), исследовавших знаменитую депрессию при южной подошве Тянь-Шаня (Турфанская котловина), П.К.Козлова и В.И.Роборовского (1893–1895 гг.), А.Д.Кэри (1885–1887 гг.), Свена Гедина (1893–1897 гг.), обнаружившего развалины древних городов в пустыне Такла-Макан, и многих других.

Примечательной вехой в историко-археологическом изучении Синьцзяна явился 1890 год: в этом году в местечке Шах-Яр, к югу от Кучи, англичанин Боуэр нашел первый письменный документ на территории Восточного Туркестана – санскритскую рукопись на березовой коре. С этих пор в научном обиходе все чаще стали появляться рукописи, памятники искусства и материальной культуры народов Центральной Азии, однако сперва никто не пытался систематически собирать предметы древности и исследовать то, что осталось в стране от прежних культур.

Восточный Туркестан, край любопытнейшего исторического прошлого, ждал своих исследователей. Здесь уместно будет привести слова И.П.Минаева, который писал: "Вся страна от Лобнора до Хотана ждет специальных разысканий в историко-археологическом отношении. Станем надеяться, что почин в этом деле выпадет на долю русских путешественников и ориенталистов"³. Это пожела-

² Н. М. П р ж е в а л ь с к и й, Как путешествовать по Центральной Азии, гл. I. IУ путешествия по Центральной Азии – от Кяхты на истоки Желтой реки, – "Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии", СПб., 1888, вып. 32, стр. 222.

³ И. П. М и н а е в, Забытый путь в Китай, – ЖМНП, 1889, ч. 264, № 7, стр. 189.

ние ученого в значительной мере сбылось: первым настоящим собирателем древностей Восточного Туркестана явился Николай Федорович Петровский, русский генеральный консул в Кашгаре ⁴.

Со времени своего назначения в Кашгар (1882 г.) Н.Ф.Петровский занимался тщательным и последовательным сбором древностей и рукописей. И поэтому, когда в ноябре 1891 г. Восточное отделение Русского археологического общества по инициативе С.Ф.Ольденбурга обратилось к нему с запросом об остатках древности в Кашгаре и возможности работы по их изучению ⁵, он в своем обстоятельном ответе смог сообщить интересные сведения об известных ему памятниках и дать описание некоторых из них ⁶. К этому письму Петровского были приложены фотографии ряда примечательных в археологическом отношении местностей, а также рукопись, которая была вскоре издана С.Ф.Ольденбургом ⁷. Докладная записка Н.Ф.Петровского ясно показала, какое важное значение для изучения Восточного Туркестана может иметь деятельность лиц, занимающих там официальное положение, если они заинтересуются прошлым страны. Благодаря своим связям с туземным населением и длительному пребыванию на месте эти люди могли, с одной стороны, собирать сведения о памятниках и, с другой стороны, следить за всеми находками предметов древности, организуя их покупку. Это обстоятельство, правильно понятое русскими научными учреждениями и всесторонне ими используемое, объясняет то, что значительную часть нашего центральноазиатского рукописного собрания составляют материалы, полученные при содействии русских должностных лиц в Восточном Туркестане.

Здесь мы подходим к основному содержанию данной статьи – истории сложения коллекции рукописей на среднеиранских языках Сериндийского фонда ДО ИВАН, которая состоит из материалов, полученных от С.Ф.Ольденбурга, Н.Ф.Петровского, В.И.Роборовского, Н.Н.Кроткова и А.И.Кохановского. Выяснение этого вопроса в известной степени затрудняется тем, что в Азиатском музее, куда по-

⁴ См. о нем: С. Ф. О л ь д е н б у р г, Памяти Николая Федоровича Петровского, – ЗВОРАО, 1912, т. XX, стр. 01–08.

⁵ ЗВОРАО, 1892, т. VI, стр. X–XI, протокол заседания от 28. XI. 1891 г.

⁶ ЗВОРАО, 1893, т. VII, стр. 293–298.

⁷ Кашгарская рукопись Н.Ф.Петровского, – ЗВОРАО, 1893, т. VII, стр. 81–82.

ступали рукописи, описание коллекций производилось в редких случаях и в инвентарных книгах обычно фиксировались не отдельные единицы поступлений, а вся коллекция целиком. Для того чтобы проследить историю создания Сериндийского фонда ЛО ИВАН, нами просмотрены протоколы Восточного отделения Русского археологического общества (1891–1920 гг.), историко-филологического отделения Академии наук (1898–1930 гг.), Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903–1918 гг.), архивные материалы Азиатского музея–инвентари (1887–1934 гг.) и списки коллекций, поступивших из Восточного Туркестана, фонды Н.Ф.Петровского, Н.Н.Кроткова и М.М.Березовского, хранящиеся в Архиве востоковедов при ЛО ИВАН, а также фонды К.Г.Залемана, С.Ф.Ольденбурга и Ф.А.Розенберга (Архив АН СССР).

В 1953–1956 гг. были начаты и в основной своей части закончены разбор и инвентаризация Сериндийского фонда Л.В.Дмитриевой и В.С.Воробьевым–Десятовским. В настоящее время работа по инвентаризации центральноазиатского собрания приближается к завершению.

Как указывалось выше, с 1891 г. устанавливается длительная и прочная связь между Восточным отделением Русского археологического общества и консулом в Кашгаре Н.Ф.Петровским, продолжавшаяся до 1904 г., когда Петровский был вынужден по болезни навсегда покинуть Кашгар. За годы этого необычайно плодотворного содружества русская наука обогатилась ценными собраниями древностей и рукописей⁸, из которых последние передавались на хранение в Азиатский музей Академии наук. Среди рукописных отрывков, полученных от Петровского, были фрагменты на санскрите, пракрыте, тибетском и других языках, а также на неизвестном языке, для передачи звуков которого использовалось несколько измененное древнеиндийское письмо брахми. Этот язык позднее был определен как средневосточноиранский и по сходству с языком монет сакских династий получил название "сакского". Его называют также "индо-скифским" или, по месту находки большинства рукописей, "сакско-хотанским" и просто "хотанским".

Материалом для рукописей служили березовая кора, кожа и бумага, приготовленная главным образом из волокна бумажной шелковицы и прогрунтованная тонким слоем гипса, поверх которого наносился текст.

⁸ См.: ЗВОРАО, 1893, т.УП, стр. У1–УП; 1894, т.УШ, стр. П, IV, У1; 1895, т.IX, стр. У, УШ, IX; 1899, т.XI, стр. П, IX; 1901, т.XIII, стр. XIX–XX, XXXI, XLV.

В коллекцию Петровского входит целый ряд ценнейших рукописей, однако только небольшая часть ее послужила материалом для публикаций. Отрывки санскритских кашгарских рукописей издавал в течение ряда лет С.Ф.Ольденбург⁹, в наши дни В.С.Воробьевым-Десятовским опубликованы слоговые таблицы вертикального центральноазиатского брахми, фрагменты древнейшей известной рукописи санскритского словаря, а также два отрывка санскритско-"тохарского В" словаря¹⁰.

Сакская часть собрания Петровского до сих пор никем не описана, и мы имеем самое приблизительное представление о ее составе. Однако Воробьеву-Десятовскому удалось обнаружить новые листы стихотворного буддийского сочинения, известного в литературе под названием Сакская рукопись "Е" (лл. 171-180)¹¹.

Это обстоятельство позволяет думать, что тщательный разбор сакских материалов может привести к важным и интересным открытиям.

Оценивая многообразную деятельность Н.Ф.Петровского¹², представляющую новый этап в археологическом изучении Восточного Туркестана, следует подчеркнуть, что именно благодаря ей стала ясна необходимость исследования исторических судеб края, где, по словам С.Ф.Ольденбурга, "в культурной борьбе столкнулись восток и запад в лице своих самых крупных представителей, миров грече-

⁹ ЗВОРАО, 1894, т.УШ, стр. 47-67, 151-153, 349-351; 1899, т. XI, стр. 207-264; 1904, т.ХУ, стр. 0113-0122.

¹⁰ В. С. Воробьев - Десятовский, Памятники центральноазиатской письменности, - УЗИВАН, 1958, XVI, стр. 280-308.

¹¹ В. С. Воробьев - Десятовский, Новые листы Сакской рукописи "Е", - КСИБ, 1955, XVI, стр. 68-71; Сказание о Бхадре (Новые листы сакской рукописи "Е"). Факсимиле текста. Транскрипция, перевод, предисловие, вступительная статья, глоссарий и примечания В.С.Воробьева-Десятовского и М.И.Воробьевой-Десятовской, М., 1965.

¹² Кроме памятников центральноазиатской письменности в составе коллекции Н.Ф.Петровского в Азиатский музей поступило значительное число мусульманских рукописей на арабском, персидском и тюркском языках. См. об этом: ИАН, сер. VI, 1909, т.Ш, стр. 509, протокол историко-филологического отделения (далее - ИФО) от 25.II.1909; Инвентарь Азиатского музея, 1909-1913 гг. (И5), № 1988; К. Г. З а л е м а н, Мусульманские рукописи, вновь поступившие в Азиатский музей в 1909-1910 гг., - ИАН, сер. VI, 1911, т.У, стр. 251-260.

По завещанию Петровского богатейшая коллекция древностей (геммы, монеты, терракоты, изделия из камня, бронзы, печати, остатки живописных изображений и т.д.), собранная им в Кашгаре,

ского и христианского, с одной стороны, индийского, китайского, буддийского – с другой" ¹³ .

Наряду с находками Петровского особое значение для изучения Синьцзяна имела благодаря научной лобознательности ее участников экспедиция в Центральную Азию П.К.Козлова и В.И.Роборовского (1893–1895 гг.), хотя сама по себе она совершенно не преследовала археологических целей. Из своего путешествия они привезли мешок с рукописями, найденными в пещере буддийского монастыря близ селения Туок-мазар в Турфане ¹⁴ . Рукописи были доставлены в Географическое общество, которое передало их для обработки в Азиатский музей, где в феврале 1898 г. их разбором занялся В.В.Радлов. Рукописи были китайские, индийские, уйгурские, кроме того, среди них был обнаружен один листок с сирийскими письменами загадочного вида, оказавшийся, как установили впоследствии, отрывком среднеперсидского манихейского сочинения (подробнее о нем будет сказано ниже). Среди материалов коллекции Роборовского нам удалось найти один небольшой согдийский фрагмент (SI $\frac{Rob}{I}$, инв. № 4102, пакет 33).

Учитывая громадное значение древностей Восточного Туркестана и настоятельную необходимость их систематического изучения, Академия наук в 1898 г. организовала специальную археологическую экспедицию в Турфан, во главе которой стоял Д.А.Клеменц. Работа Клеменца носила чисто разведочный характер; из-за недостатка времени и средств он не смог вести самостоятельные раскопки. Несмотря на это, было добыто некоторое количество документов, рукописей и ксилографов, главным образом уйгурских, снято несколько эстампажей с древнетюркских, написанных так называемыми орхонскими письменами, надписей, которые впоследствии были прочтены В.В.Радловым.

Значение этой первой археологической экспедиции в Восточный Туркестан трудно переоценить: если исследование юга и запада

была передана в дар Музею Археологического общества (см.: ЗВОРАО, 1910, т. XIX, стр. XXII, XXV–XXVIII).

¹³ Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана, стр. 396–397.

¹⁴ В. И. Р о б о р о в с к и й , Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию в 1893–95 гг., – "Изв. Русского географического об-ва", 1898, т. 34, стр. 1–59.

Синьцзяна было начато находками Петровского, то для северной и восточной его частей эту задачу выполнила экспедиция Д.А.Клеменца¹⁵.

Непосредственно под влиянием результатов экспедиции Клеменца XII Международный конгресс ориенталистов в Риме (1899 г.) высказал пожелание о создании интернациональной ассоциации по историческому, археологическому, лингвистическому и этнографическому изучению Средней и Восточной Азии. Эта ассоциация организационно была оформлена на конгрессе в Гамбурге (1902 г.) с центральным комитетом в Петербурге¹⁶ и национальными комитетами в отдельных странах.

Понимая всю важность дальнейшего изучения Восточного Туркестана, Русское археологическое общество начало хлопотать о большой экспедиции на три года в бассейн Тарима, предполагая включить в район исследования не только Хотан, но также Кучу, Турфан и другие места южнее Тянь-Шаня¹⁷. Однако этому не суждено было сбыться: министерство финансов отказалось выдать деньги на экспедицию, и русским ученым не пришлось развить блестяще начатое ими дело.

Исследования Клеменца открыли путь для изысканий в Восточном Туркестане иностранным ученым. В период 1900–1916 гг. был предпринят ряд экспедиций зарубежных исследователей в Центральную Азию:

1) четыре немецкие экспедиции, причем три из них изучали древности Турфана (1902–1903 гг., А.Грюнведель, Г.Хут; 1904–

¹⁵ Об экспедиции Клеменца см. следующие работы: Д. А. К л е м е н ц, /Письмо от 30.X.1898 о его экспедиции в Турфан/, – ИАН, сер. У, 1899, X, стр. П–VI; е г о ж е, Предварительные сведения об археологических результатах Турфанской экспедиции, – ЗВОРАО, 1900, т. XII, стр. VI–XIII; е г о ж е, Turfan and seine Alterthümer, – в кн.: "Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften St.-Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan", Н. I. St.- Pbg., 1899; С. Ф. О л ь д е н б у р г, /рец. на: /К л е м е н ц, Turfan und seine Alterthümer, – ЗВОРАО, 1901, т. XIII, стр. 065–068; е г о ж е, Экспедиция Д.А.Клеменца в Турфан в 1898 г., – "Изв. Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества", 1917, 45, стр. I–I3.

¹⁶ См.: С. Ф. О л ь д е н б у р г, Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии, – ИМНП, 1903, ч. 349, № 9, стр. 44–47.

¹⁷ Н. В е с е л о в с к и й, Д. К л е м е н ц, С. О л ь д е н б у р г, Записка о снаряжении экспедиции с археологической целью в бассейн Тарима, – ЗВОРАО, 1901, т. XIII, стр. IX–XVIII.

1905 гг., Ле Кок, Бартус; 1905–1907 гг., Грюнведель; 1913–1914 гг. Ле Кок, Бартус)¹⁸ ;

2) четыре английские экспедиции по изучению юга Восточного Туркестана, три из которых возглавлял О.Стейн (1900–1901 гг., 1906–1908 гг., 1913–1916 гг.; 1905 г., Баррет, Хантингтон);

3) Франция организовала экспедиции Э.Шаванна и П.Пельо (1906–1907 гг.), исследовавших следы древних культур в их распространении на восток, в провинции Ганьсу;

4) две японские экспедиции (1902 г., Отани; 1912–1913 гг., Дзуйтё Татибана, Йосикава).

Все эти экспедиции, собравшие огромные коллекции древностей и рукописей на различных шрифтах и языках, велись на базе международного соревнования и осуществлялись обычно по инициативе музеев, что не могло не наложить определенного отпечатка на стиль археологических раскопок западных ученых. Часто в погоне за древностями они вели свои работы методами, не имеющими ничего общего с научными раскопками. На недопустимый в научном исследовании характер работ зарубежных ученых, в частности немецких, неоднократно указывал С.Ф.Ольденбург¹⁹, изучавший древности Турфана вслед за Ле Коком.

В результате многочисленных экспедиций почти на всей территории Центральной Азии (в основном в Хотане, Куче, Карашаре и Турфане) были найдены памятники письменности, относящиеся преимущественно к VIII–IX вв. Они представляют собой документы как религиозного (христианские, манихейские и буддийские), так и светского характера (письма, путеводители, глоссарии и т.д.). Письмо, которым написаны эти документы, имеет двойное происхождение: южное – индийское (брахми и кхароштки) и западное – в конечном счете арамейское (согдийский буддийский, иначе "национально-согдийский", манихейский и сирийский, которым пользовались согдийцы-христиане).

Рукописи, написанные шрифтами арамейского происхождения, оказались на древнетюркском (уйгурском) языке и трех диалектах иранской системы (среднеперсидском, парфянском и неизвестном до тех пор языке, который был назван согдийским; дать такое назва-

¹⁸ М. В о у с е , A Catalogue of the Iranian Manuscripts in Manichean Script in German Turfan Collection, Berlin, 1960.

¹⁹ См. письма С.Ф.Ольденбурга к Н.Н.Кроткову, Архив востоковедов при ИО ИВАН СССР, ф. 32, оп. 2, ед.хр. 9, лл. 8, 12; Протокол Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (далее – ПРК), 1910, № 3, стр. 2–3.

ние этому языку позволило сравнение согдийских календарных терминов, сохранившихся у Бируни, с аналогичными терминами в одном из найденных документов).

Исследование материалов, написанных брахми, главным образом буддийского содержания, дало неожиданные результаты. Оказалось, что документы из Кучи и Карашара составлены на двух диалектах до сих пор неизвестного языка индоевропейской системы, стоящего ближе к языкам Европы, чем к индийским и иранским. Язык рукописей из Хотана, как уже говорилось раньше, был отнесен к восточноиранской группе языков и назван "сакским".

Таким образом, мы видим, что археологическим исследованиям в Восточном Туркестане наука обязана открытием новых среднеазиатских языков.

Одним из важнейших итогов изучения древних культур Синьцзяна явилось также открытие считавшейся потерянной среднеперсидской литературы секты манихеев, об учении которой ранее было известно лишь по пересказам представителей других вероисповеданий. Среднеперсидские манихейские тексты, в фонетическом написании без семитических идеограмм, доказали правильность мнения К.Г.Залемана о том, что среднеперсидский язык не был языком смешанным и написанные по-арамейски слова читались по-персидски. Первые работы по дешифровке манихейских документов принадлежат немецкому ученому Ф.В.К. Мюллеру²⁰, прочитавшему рукописи, привезенные из Турфана экспедицией А.Грюнведела.

Дешифровка Мюллера позволила К.Г.Залеману прочесть рукописный фрагмент с сирийскими письменами из коллекции Роборовского, о котором мы упоминали ранее. Этот листок, оказавшийся отрывком среднеперсидской манихейской рукописи, содержит оглавление названий манихейских сочинений или их глав, о которых имеются сообщения у арабских христианских авторов. К.Г.Залеман, прочитав текст, издал его с транскрипцией еврейским шрифтом, переводом, комментариями и словарем²¹. В настоящее время этот фрагмент хранится в Рукописном отделе ЛО ИВАН, где ошибочно числится под шрифтом

²⁰ Handschriften-Reste in Estrangelo-Schrift aus Turfan, Chinesisch Turkestan, I, - "Sitzungsberichte d. Preuss. Akad. d. Wiss., Phil.-Hist. Kl.", 1904, IX, стр. 348-352; II, - "Abhandlungen d. Preuss. Akad. d. Wiss.", 1904, стр. I-II7.

²¹ Ein Bruchstück manichaeischen Schrifttums im Asiatischen Museum, - "Записки Императорской Академии наук", сер. УШ, №10, 1904, VI, № 6, стр. I-26.

коллекции Кроткова ²² .

Относительно письменности среднеперсидских турфанских документов надо заметить, что к ней не может быть применен термин "эстрангело", как предлагал Мюллер, потому что палеографические формы манихейского письма из Турфана не связаны с древним общесирийским письмом эстрангело, а генетически примыкают к арамейскому курсиву ²³ .

Говоря о русских исследованиях в Восточном Туркестане, мы указывали, что уже при первой попытке организовать большую археологическую экспедицию в Центральную Азию Академия наук столкнулась с непреодолимыми препятствиями в связи с отказом в денежных средствах, необходимых для ведения раскопок. Поэтому особое значение приобретает материал, который присылали русские должностные лица в Синьцзяне, иногда жертвовавшие целые собрания древностей и рукописей. Эти люди, занимавшие самое различное служебное положение, – консулы, сотрудники посольств, врачи, переводчики, интересуясь историей Центральной Азии, развернули широкую деятельность по сбору памятников материальной и духовной культуры ее народов. Свои коллекции древностей передали в Эрмитаж и Музей антропологии и этнографии секретарь консульства в Кашгаре Я.Я.Лютш, горный инженер Л.М.Белинко, преемник Н.Ф.Петровского консул С.А.Колоколов, секретарь консульства в Кульдже А.А.Дьяков и др.

В 1907 г. Географическое общество передало в Академию наук небольшое собрание древностей, полученное от врача русского консульства в Урумчи А.И.Кохановского ²⁴ . Среди рукописных фрагментов этой коллекции К.Г.Залеман нашел четыре отрывка манихейской письменности. Их публикация открывает серию работ Залемана под общим названием "Manichaica", посвященных изданию и анализу языка манихейских текстов из Восточного Туркестана. Тексты,

²² SI KгIX , инв. № 407I, ящик № 8.

6

²³ П. К. К о к о в ц о в, К сиротурецкой эпиграфике Семиречья, – ИАН, сер. VI, 1909, т. III, стр. 779.

²⁴

Протокол ИФО от 7 и 2I.Ш.1907, – ИАН, сер. VI, 1907, т. I, стр. 110, 158. См. также: С. Ф. О л ь д е н б у р г, Краткая опись составленного д-ром Кохановским собрания древностей из Турфана, – ИАН, сер. VI, 1907, т. I, стр. 805-818.

помещенные в "Manichaica I" ²⁵, написаны на среднеперсидском, согдийском и тюркском языках; они очень малы, поэтому не удается определить их содержания. Сейчас эти фрагменты хранятся среди материалов Серндийского фонда под следующими номерами: среднеперсидский – SI $\frac{Uig}{I9}$, инв. № 4196, ящик 8; SI $\frac{K}{32}$, инв. № 4265; согдийский – SI $\frac{K}{3I}$, инв. № 4264; тюркский – SI $\frac{K}{33}$, инв. № 4266.

После тщательного ознакомления с коллекцией Кохановского удалось обнаружить еще три согдийских фрагмента: SI $\frac{K}{2I}$, инв. № 4161, пакет 40 и SI $\frac{K}{I5}$ (два фрагмента, без инвентарных номеров).

Одним из наиболее деятельных собирателей древностей Восточного Туркестана был консул в Урумчи Николай Николаевич Кротков. Окончив факультет восточных языков Петербургского университета, Кротков прошел длинный путь от драгомана консульства в Кульдже до российского императорского консула в Урумчи. Служа в различных районах Синьцзяна, он много сил и внимания уделял сбору рукописей, предметов культа, искусства и домашнего быта народов этой страны, в результате чего им была составлена исключительно ценная для науки коллекция. Так как ознакомление с составом коллекции представляло несомненный интерес, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии обратился к Н.Н.Кроткову с просьбой предоставить ему такую возможность. В ответ на эту просьбу Кротков привез все свое собрание древностей в Петербург в конце 1907 г. ²⁶. По предложению К.Г.Залемана собрание было приобретено за 5000 руб. и рукописная его часть передана в Азиатский музей ²⁷.

В последующие несколько лет, до конца 1912 г., когда Кротков покинул Урумчи и консулом был назначен А.А.Дьяков, Кротков систематически присылал в Русский комитет приобретенные на средства комитета древности и рукописи, а также пожертвовал Академии наук вновь собранную им коллекцию ²⁸.

²⁵ ИАН, сер. VI, 1907, т. I, стр. 175–184.

²⁶ ПРК, 1907, № 3, стр. 3; № 4, стр. 2.

²⁷ ПРК, 1908, № 2, стр. 4; Инвентарь Азиатского музея, 1904–1908 гг. (И4), № 2668.

²⁸ ПРК, 1909, № 3, стр. 3–4; 1910, № 3, стр. 2–3; 1911, № 2, стр. 18; № 3, стр. 21–22; № 5, стр. 31–32.

Выше мы указывали, что в Азиатском музее описание рукописных собраний из Центральной Азии производилось крайне редко, однако нам удалось найти краткое описание двух коллекций Кроткова, сделанное К.Г.Залеманом. Согласно данным Залемана, в первую коллекцию Кроткова, приобретенную Русским комитетом в 1908 г., входили в основном уйгурские и китайские тексты, а также 29 согдийских фрагментов ²⁹.

Вторая коллекция Кроткова представляет собой собрание рукописей, подаренных им Академии наук в 1909 г. ³⁰. Всего 82 фрагмента, большинство уйгурские и китайские, только три согдийских текста, два из которых в описании Залемана отмечены под №№ 10 и 81 ³¹. Сейчас они числятся в Рукописном отделе под шифрами SI $\frac{2Kr}{10-11}$, инв. № 3657-3658, пакет 19, и SI $\frac{2 Kr}{81}$, инв. № 3724, ящик 10.

Непонятным для нас остается то обстоятельство, что ни в одном из описаний коллекций Кроткова, сделанных Залеманом, не зарегистрированы среднеперсидские манихейские тексты, хотя есть указание самого Залемана ³², что в Азиатский музей в 1908 г. в составе собрания Кроткова поступило некоторое число манихейских фрагментов. Кроме указанных описаний в списках Азиатского музея

²⁹ См. списки Азиатского музея - СИО, коллекция Кроткова, № 1. В настоящее время невозможно точно установить, какие именно согдийские фрагменты Сериндийского фонда входили в состав данной коллекции. На основании старой шифровки можно лишь предположить, что некоторые из них сейчас числятся под следующими шифрами:

SI $\frac{Kr IV}{703}$, инв. № 3450; SI $\frac{Kr IV}{706-715}$, инв. № 3453-3462;

SI $\frac{Kr IV}{717-718}$, инв. № 3464-3465, пакет 10 (ст.ш.: 20, 16, 14, 13, 18, 17, 5, 1, 3, 4, 6, 7, 8); SI $\frac{3 Kr}{24-30}$, инв. № 3757-3763, пакет 22 (ст.ш.: 3Kr S5, 3Kr S4, 3Kr S2, 3Kr S4bis, 3Kr S3).

³⁰ Протоколы ИЮ от 16.IX и 4.XI.1909, - ИАН, сер. VI, 1909, т. III, стр. 1084, 1170; Инвентарь Азиатского музея, 1909-1913 гг. (И5), № 1799.

³¹ Списки Азиатского музея - СИО, коллекция Кроткова, № 2.

³² "Manichaica III", - ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, стр. I

находится специальный подробный указатель фрагментов первой коллекции Кроткова, также составленный Залеманом³³. В нем имеется особая графа "Manichaeisch" с тремя подразделениями - *phl.*, *soghd.*, *türk.*, которая, однако, на протяжении всего указателя остается незаполненной. В то же время хорошо известно, что среднеперсидские материалы из Восточного Туркестана были предметом специальных исследований К.Г.Залемана и третья часть его серии "Manichaica", вышедшая в 1912 г., представляет собой издание среднеперсидских и согдийских фрагментов из коллекций Кроткова. Всего в этой работе опубликовано с факсимиле или только в транскрипции еврейским шрифтом 35 манихейских текстов, не считая двух из собрания С.Ф.Ольденбурга. Мы не смогли установить точное время поступления большинства этих фрагментов в Азиатский музей, так как только для пяти из них Залеман указывает дату в скобках рядом с шифром: S 9-13 (Кр IV п⁰ 1, 4, 2, 3, 5).

Протоколы историко-филологического отделения Академии наук и Русского комитета, которому обычно адресовались все посылки Кроткова, а также списки и инвентари Азиатского музея не дают нам точных сведений о времени приобретения этих рукописей. Но поскольку первые присылки Кроткова относятся к 1908 г., а поступления 1911 г. оговорены Залеманом, то можно считать, что основная масса среднеперсидских документов поступила в Азиатский музей между 1908 и 1911 гг.

Все среднеиранские манихейские тексты, изданные К.Г.Залеманом в "Manichaica III", находятся среди материалов Сериндийского фонда. 20 фрагментов хранятся в пакете № II (инв. № 3579-3590) под шифрами: SI $\frac{\text{Kr IV}}{832}$ (ст.ш. S 10); SI $\frac{\text{Kr IV}}{833}$ (ст.ш. S 17, 20, 22, 23, 26, 37); SI $\frac{\text{Kr IV}}{834}$ (ст.ш. S 11); SI $\frac{\text{Kr IV}}{835}$ (ст.ш. S 12); SI $\frac{\text{Kr IV}}{836}$ (ст.ш. S 13); SI $\frac{\text{Kr IV}}{837}$ (ст.ш. S 30); SI $\frac{\text{Kr IV}}{838}$ (ст.ш. S 40, согдийский текст); SI $\frac{\text{Kr IV}}{839}$ (ст.ш. S 19, 29, 35); SI $\frac{\text{Kr IV}}{840}$ (ст.ш. S 38, 39, согдийские тексты); SI $\frac{\text{Kr IV}}{841}$ (ст.ш. S 32); SI $\frac{\text{Kr IV}}{842}$ (ст.ш. S 41); SI $\frac{\text{Kr IV}}{843}$ (ст.ш. S 31). 11 небольших фрагментов числятся под общим шифром

³³ Списки Азиатского музея - CIO, *Specifizierte Verzeichnis der litterarischen Fragmente in der Krotkows'schen Sammlung*, sept. 1908, C.Salemann.

SI $\frac{\text{Kr IV}}{858}$, инв. № 3605, пакет I4 (ст.ш. s 15, 16, 18, 21, 24, 25, 27, 28, 33, 34, 36), они застеклены вместе с семью другими неизданными отрывками (ст.ш.: Kr 8, 16, 18, 19, 20, 22, 23). Четыре среднеперсидских текста, обозначенные у Залемана как s 6, 7, 8 и 9, сейчас внесены в инвентарь под шифрами SI $\frac{\text{Kr IV}}{875-878}$, инв. №№ 4259-4262.

Кроме того, имеется еще несколько текстов, очень небольших и дефектных: SI $\frac{\text{Kr IV}}{844-857}$, инв. №№ 3591-3604, пакет II (фрагменты SI $\frac{\text{Kr IV}}{844, 849, 852, 853, 855}$ - согдийские) и

SI $\frac{\text{Kr XIII}}{\text{a } \# \text{ I-2 (a, b)}}$, инв. № 3626, пакет I7 (d № I - согдийский).

Материалы, присланные Н.Н.Кротковым, составляют основное ядро ленинградского собрания среднеперсидских и согдийских рукописей из Восточного Туркестана. Среднеперсидские документы в большинстве своем были опубликованы К.Г.Залеманом, что же касается согдийской части собрания Кроткова, то она остается малоизвестной науке, так как из 100 фрагментов, которые ее составляют, до сих пор был издан только один текст, Ф.А.Розенбергом (SI $\frac{\text{Kr IV}}{823}$, инв. № 3570)³⁴.

Согдийские тексты коллекции Кроткова в основном представляют собой небольшие по размеру рукописные фрагменты. Около 70 из них содержат не более 10 строк. Самые крупные фрагменты насчитывают от 20 до 39 строк, но таких всего 9. По содержанию большинство фрагментов являются отрывками буддийских произведений.

В настоящее время согдийские материалы коллекции Н.Н.Кроткова, кроме упомянутых выше, числятся под следующими шифрами:

SI $\frac{\text{Kr I}}{85}$, инв. № 85; SI $\frac{\text{Kr IV}}{459}$, инв. № 459; SI $\frac{\text{Kr IV}}{195-208, 210-223}$, инв. №№ 2942-2969; SI $\frac{\text{Kr IV}}{326}$, инв. № 3072; SI $\frac{\text{Kr IV}}{576}$, инв. № 3323; SI $\frac{\text{Kr IV}}{630}$, инв. № 3377; SI $\frac{\text{Kr IV}}{693-698}$, инв. №№ 3440-3445; SI $\frac{\text{Kr IV}}{725}$, инв. № 3472; SI $\frac{\text{Kr IV}}{799-800, 802-806, 808-813}$, инв. №№ 3546-3547, 3549-3553, 3555-3560; SI $\frac{\text{Kr IV}}{822}$, инв. № 3569;

³⁴ Un fragment sogdien bouddhique du Musée Asiatique (Kr IV Soghd. 4), - ИАН СССР, 1927, № 15-17, стр. 1375-1398.

SI $\frac{\text{Kг IV}}{879}$, инв. № 4263; SI $\frac{2 \text{ Kг}}{83}$, инв. № 3726; SI $\frac{4b \text{ Kг}}{190,192,221}$, инв. №№ 4024, 4026, 4055.

Наряду с деятельностью Н.Ф.Петровского и Н.Н.Кроткова ³⁵ , явившейся одним из главных источников создания центральноазиатского собрания, значительное количество рукописных материалов было доставлено экспедициями, снаряженными в Восточный Туркестан Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Необходимо отметить выдающуюся роль, которую сыграл в организации исследований в Центральной Азии Сергей Федорович Ольденбург. Будучи в течение 25 лет непременным секретарем Академии наук (1904–1929) и вице-президентом Русского комитета, С.Ф.Ольденбург явился инициатором и организатором целого ряда экспедиций в Восточный Туркестан, из которых две проходили под его непосредственным руководством.

Первой экспедицией, снаряженной Русским комитетом в Центральную Азию, была разведочная экспедиция в Кучу (1905–1907 гг.) во главе с путешественником–натуралистом М.М.Березовским.

В результате экспедиции Березовского, исследовавшей буддийские пещеры в окрестностях Кучи, в Азиатский музей было доставлено некоторое количество рукописей – санскритских, уйгурских, китайских и на "тохарском В" языке. Все привезенные Березовским материалы до настоящего времени остаются не внесенными в инвентарные книги Рукописного отдела ЛО ИВАН, где они хранятся под старыми шифрами SI $\frac{B}{I-31}$ и I, I-25 ³⁶.

Из коллекции Березовского были опубликованы Н.Д.Мироновым отрывки санскритской Дхармапады с переводом на "тохарский В" язык ³⁷ и В.С.Воробьевым–Десятовским фрагменты двух рукописей слоговых таблиц наклонного центральноазиатского брахми ³⁸.

³⁵ За свои заслуги по сбору древностей Петровский был избран почетным членом Русского археологического общества, Кротков – членом-корреспондентом Русского комитета и Музея антропологии и этнографии (см.: ЗВОРАО, 1904, т.ХVI, стр. ХХVШ, ХХIХ; ПРК, 1910, № 3, стр. 2; ИАН, сер. VI, 1910, т.IV, стр. 810).

³⁶ См. списки Азиатского музея – СИО, фрагменты Березовского, I, I-25, с указанием мест находок; сведения о местах находки рукописей имеются также в Архиве востоковедов при ЛО ИВАН, ф. М.М.Березовского, № 59, оп. I, ед. хр. 21.

³⁷ Н. Д. М и р о н о в, Из рукописных материалов экспедиции М.М.Березовского в Кучу, – ИАН, сер. VI, 1909, т.Ш, стр. 547–562.

³⁸ В. С. В о р о б ь е в – Д е с я т о в с к и й, Памятники центральноазиатской письменности, стр. 291–293.

В 1909–1910 гг. состоялась археологическая экспедиция в Восточный Туркестан под руководством С.Ф.Ольденбурга для исследования памятников домусульманской культуры в районах Турфана, Карашара и Кучи. Из своего путешествия Ольденбург привез коллекцию древностей и рукописей на разных языках, в том числе среднеперсидском и согдийском. Уже упоминалось, что в "Manichaica III" К.Г.Залеман опубликовал два манихейских текста из собрания Ольденбурга ³⁹. Кроме того, в 1914 г. ⁴⁰ С.Ф.Ольденбург подарил Азиатскому музею манихейский фрагмент, а также оттиск на дереве и бумаге с медной пластинки, на которых отпечатано какое-то изображение и среднеперсидская надпись: *cyhr ʿu... rwsn*, что дословно означает "изображение (имя не отпечаталось) светлого", т.е. "изображение святого X" ⁴¹.

Значительная часть документов, привезенных Ольденбургом из Синьцзяна в 1909–1910 гг., до сих пор не разобрана. Объясняется это, возможно, тем, что они, как правило, представляют собой мелкие обрывки рукописей, часто почти превратившиеся в труху. Среди этих материалов нам удалось найти 17 согдийских фрагментов. В настоящее время они внесены в инвентарную книгу Сериндийского фонда под шифрами $SI \frac{0}{107-113}$, инв. №№ 4230–4236; $SI \frac{0}{129}$, инв. № 4252. Фрагмент $SI \frac{0}{129}$ хранится в конверте, на котором рукой С.Ф.Ольденбурга написано: "Сенгим-агоу. 1909. Ольденбург". Остальные 16 текстов находились в пачке с надписью Ольденбурга: "Туюк-мазар. Р.Д.Уйгурские обрывки. X-1909".

Все эти фрагменты представляют собой очень небольшие обрывки рукописных листов, самый крупный из них насчитывает 12 неполных строк.

Кроме того, среди неинвентаризованной части рукописей центральноазиатского собрания, полученных от С.Ф.Ольденбурга, мы обнаружили 3 среднеперсидских манихейских ⁴² и 20 согдийских

³⁹ В настоящее время числятся под шифрами $SI \frac{0}{71,72}$, инв. №№ 4150, 4151, ящик 10 (ст.ш. S 14)•

⁴⁰ Протокол ИО от 28.V.1914, – ИАН, сер. У1, 1914, т.УШ, стр. 1126; Инвентарь Азиатского музея, 1914–1920 гг. (И6), №№ 1222, 1223.

⁴¹ С.Ф.Ольденбург, Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 г...Краткий предварительный отчет, СПб., 1914, стр. 81.

⁴² Внесены в инвентарь под шифрами $SI \frac{0}{130-132}$, инв. №№ 4253–4255.

фрагментов ⁴³. Никаких данных о времени их поступления в Азиатский музей выявить не удалось.

Среднеперсидские тексты представляют собой два небольших фрагмента и один оборванный снизу двойной лист рукописи размером 15 x 10 см по 14 строк на каждой стороне листа.

Согдийские фрагменты - это маленькие обрывки рукописи с максимальным текстом в 7 неполных строк.

Одним из замечательных памятников древности Восточного Туркестана являются буддийские пещеры близ Дуньхуана, т.е. "пещеры тысячи будд" (Цянь-фо-дун), которые С.Ф.Ольденбург называл "несравненным музеем китайского буддийского искусства" ⁴⁴. Исследованием этих пещер много занимались ученые Запада (П.Пельо, О.Стейн), и им же была посвящена русская археологическая экспедиция 1914-1915 гг. под руководством Ольденбурга. В результате ее был собран большой и ценный материал: около двух тысяч фотографий, общий план пещер, образцы буддийской иконописи, рукописи и приблизительно 100 тысяч знаков подвижного уйгурского шрифта.

Среди документов, переданных в Азиатский музей Русским комитетом, организовавшим экспедицию Ольденбурга, оказались два больших согдийских буддийских фрагмента - отрывки сказки и сутры, которые были изданы Ф.А.Розенбергом ⁴⁵.

По всей вероятности, к дуньхуанской коллекции Ольденбурга следует отнести также фрагмент SI $\frac{0}{89}$, инв. № 4212, пакет 48, так как на общей обертке, в которой хранятся этот и другие тексты, написано: "Коллекция С.Ф.Ольденбурга из Дуньхуана".

⁴³ Внесены в инвентарь под шифрами: SI $\frac{0}{114-128}$, инв. №№ 4237-4251; SI $\frac{0}{133-135}$, инв. №№ 4256-4258.

⁴⁴ С. Ф. О л ь д е н б у р г, Пещеры тысячи будд, - "Восток", 1922, кн. I, стр. 65.

⁴⁵ Deux fragments sogdien bouddhiques du Ts'ien-fo-tong du Touen-houang (Mission S. d'Oldenburg, 1914-1915). I. Fragment d'un conte, - "Азиатский сборник", 1918, I, стр. 817-842; II. Fragment d'un sūtra, - ИАН, сер. VI, 1920, т. XIV, стр. 399-429, 455-474. Сейчас первый фрагмент ошибочно числится под шифром коллекции Кроткова: SI $\frac{Kr IV}{873}$ (Soghd), инв. № 3620, пакет I6; второй - SI $\frac{0}{106}$, инв. № 4229.

Кроме привезенных из экспедиций материалов в собрание Ольденбурга входят также принадлежавшие ему и переданные им Академии наук книги и рукописи, в том числе две рукописи письменами кашгарского брахми, подаренные ему Н.Ф.Петровским⁴⁶. Через С.Ф.Ольденбурга в 1910 г. английский консул в Кашгаре Джон Маккартни принес в дар Азиатскому музею отрывки санскритских и сакских текстов⁴⁷, среди которых В.С.Воробьев-Десятовский нашел фрагменты Сакской рукописи "Е"⁴⁸.

Таким образом, в результате русских экспедиций в Восточный Туркестан и деятельности таких лиц, как Н.Ф.Петровский и Н.Н.Кротков, в Азиатском музее Академии наук возникла довольно большая коллекция рукописей на среднеиранских языках – сакском, согдийском и среднеперсидском, историю создания которой мы пытались проследить в данной статье.

Археологические исследования в Центральной Азии, открытие неизвестных до тех пор языков и литератур создали новый этап в развитии ориенталистики как науки, поставив перед ней в качестве одной из первых задач задачу изучения домусульманских культур Восточного Туркестана. Несомненно, что освоение среднеиранских материалов Рукописного отдела ЛО ИВАН должно сыграть определенную роль в решении этой проблемы.

⁴⁶ Протокол ИФО от 17.X.1912, – ИАН, сер. VI, 1912, т. VI, стр. 980; Инвентарь Азиатского музея, 1909–1913 гг. (И5), № 1881, 1882.

⁴⁷ Протокол ИФО от 7.VI. 1910, – ИАН, сер. VI, 1910, т. IV, стр. 673.

⁴⁸ Новые листы Сакской рукописи "Е", стр. 69.